

Мудрость и воля миллионов

Рабочий и ученый, колхозник и министр, прославленный генерал и писатель — знатные люди страны, знатные своим самоотверженным трудом на благо Родины, лучшие ее сыны и дочери — обсуждали на второй сессии Верховного Совета СССР важнейшие вопросы внутренней и международной политики.

В решениях, принятых высшим органом государственной власти, выражены мудрость и воля многомиллионного советского народа, от имени которого его посланцы в Верховный Совет СССР говорили с высокой трибуны сессии. Глубоко и всесторонне рассматривали депутаты Государственный бюджет СССР на 1955 год. И каждый советский человек, выходя в скучной, точный язык цифр, увидел за ними силу и мощь страны, свой труд, вложенный в общее национальное богатство. Увидел просвет своей прекрасной Родины с возгоревшимися из пепла и руин городами и селами, новыми заводами и фабриками, бескрайними землями вспаханной нови, дворцами культуры и здравницами.

Незримыми нитями связаны цифры бюджетных ассигнований с каждым, самым далеким уголкам Советской страны. С волнением и гордостью писала об этом депутат А. Григорьева — учительница из села Советское в Чувашии:

— Случая доклад министра финансов СССР А. Зверева, я видела школы, которые выросли в соседних селах и деревнях, новые библиотеки, детей, для которых все это создано.

— Вернувшись из Москвы в родной колхоз, — говорит знатная дворня из Латвии, депутат М. Семеле, — я расскажу односельчанам о решениях партии и правительства, расскажу об услышанном в Кремле, о том, что верховный орган власти в нашей стране свято выполняет наказы избирателей.

Глубокой отеческой заботой о советском человеке, его благе проникнуты решения второй сессии Верховного Совета СССР. В них — наше сегодня, наше светлое завтра, забота о настоящем, взгляд в будущее. Поэтому так единодушно и горячо одобрили депутаты Верховного Совета СССР основные вопросы предстоящей деятельности Советского правительства, освещенные в речи Председателя Совета Министров СССР депутата Н. А. Булгакина на совместном заседании обеих палат Верховного Совета.

Дружными аплодисментами встретили депутаты заявление главы правительства о том, что Совет Министров будет и впредь неуклонно проводить политику, выработанную Коммунистической партией и горячо одобряемую нашим народом, — политику построения коммунистического общества, дальнейшего укрепления могущества Советского государства, упреждения союза рабочего класса и колхозного крестьянства, политику укрепления мира и безопасности.

Незыблема вера советского народа в свою родную Коммунистическую партию, в свое родное правительство, в его деятельность, которая направлена к одной цели — дальнейшему процветанию нашего социалистического государства, к повышению народного благосостояния. А основой дальнейшего подъема народного хозяйства всегда была и остается тяжелая промышленность. Генеральная линия партии предусматривает всемерное развитие тяжелой индустрии. Эта генеральная линия, которую партия отстаивала в ожесточенной борьбе с классовым врагом и его агентами, генеральная линия, оправданная всем ходом социалистического строительства, в полной мере отражена в цифрах Государственного бюджета на 1955 год. За нее, за эту линию, как один человек, голосовали от имени народа его избиратели.

Советский человек, на каком бы посту он ни трудился, — за станком, на колхозной ферме, в научном учреждении или учебном заведении, — чувствует свою глубокую заинтересованность в решениях, принятых высшим органом власти. Он не только одобряет их всей душой, но и готов активно бороться за превращение этих решений в жизнь, за то, чтобы в 1955 — завершающем году пятой пятилетки — общий объем валовой продукции нашей промышленности возрос по сравнению с минувшим годом более чем на 9 процентов, а по сравнению с 1950 годом — на 80 процентов. Готов бороться за то, чтобы пятилетний план нашей промышленности был выполнен досрочно.

Партия учит, что без неуклонного развития тяжелой индустрии нельзя достичь непрерывного подъема сельского хозяйства,

легкой и пищевой промышленности и вост. Только опираясь на прочный фундамент тяжелой индустрии, можно с успехом выполнять грандиозные задачи, поставленные перед социалистическим сельским хозяйством январским Пленумом ЦК КПСС: довести в ближайшие 5—6 лет ежегодный сбор зерна до десяти миллиардов пудов и увеличить производство основных продуктов животноводства в два—два с лишним раза. Увеличение ресурсов сельскохозяйственного сырья приведет к дальнейшему расширению производства предметов народного потребления, — оно возрастет по сравнению с 1950 годом на 71 процент.

Такова взаимосвязь развития всех отраслей социалистического народного хозяйства, правильное соотношение всех статей Государственного бюджета — бюджета мира, дальнейшего процветания Советской страны и укрепления ее оборонной мощи.

Советская страна, ставшая самой яркой демократией земли, служит оплотом миру во всем мире. В союзнанию, к расцвету творческих сил человека направлены устремления всего нашего народа. Боренные интересы его в области внешней политики с искреняющей полнотой выразил в своем докладе на второй сессии Верховного Совета СССР министр иностранных дел СССР В. М. Молотов.

Глубокий анализ современного международного положения, данный в этом докладе, изложенные В. М. Молотовым принципы внешней политики Советского государства еще и еще раз продемонстрировали перед всем миром, что у народов Советской страны нет более сильного стремления, чем стремление к миру. Вместе с нами твердо отстаивают завоеванные позиции и другие страны социалистического лагеря.

Лагерь демократии и социализма — лагерь мира. Эта правда все более проникает в сознание трудящихся масс капиталистических стран, рождая сердечные симпатии и сочувствие к тому великому делу, за которое борется советский народ. Выступая на сессии, депутат писатель М. Турсуванов привел стихи современного иранского поэта, в которых он выражает чувства своих соотечественников. Иранский поэт пишет: «Если мои глаза с ненавистью будут устремлены на страну Советов, пусть они больше никогда не увидят солнца!».

Солдям, светочем мира называю трудные честные люди страны Советов. Никакие клеветнические измышления врагов не могут помешать проникновению в сердца миллионов простых людей света и правды.

Последовательно и настойчиво проводит советский народ политику сохрания и укрепления мира. Ей противопоставит другая политика — политика «позиции силы», политика создания разного рода военно-политических блоков и группировок, проводимая агрессивными кругами Соединенных Штатов Америки и их послушными сателлитами. Все больше и больше подготовляют политические и военные деятели США атмосферу военной истории в своей стране, все чаще раздают открытые призывы применить атомное оружие в войне против миролюбивых государств.

В ответ на это наш народ устами своих депутатов спокойно и уверенно сказал с трибуны сессии тем недальновидным политическим деятелям, которые, потирая атомной бомбой, пытаются запугать наш советский народ не из пугливости, его никто не удержит запугать! Наш народ всегда умел постоять за себя и давал сокрушительный отпор тем, кто покушался на его свободу и независимость.

Устами своих депутатов советский народ спокойно и уверенно говорит: великий фронт мира найдет в себе достаточно сил, достаточно средств для того, чтобы предотвратить готовящееся преступление.

Министр иностранных дел СССР В. М. Молотов заявил с трибуны сессии: «Всякая авантюра с развязыванием новой мировой войны неизбежно окончится плохо для агрессора, потому что в наши дни уже сотни миллионов людей достигли такого уровня сознательности, что они так же, как все советские люди, будут, с полным убеждением в правоте своего дела, до конца бороться против такой преступной агрессии».

Погибнет не «мировая цивилизация», сколько бы она ни пострадала от новой агрессии, а погибнет та уже подгнившая общественная система с ее прогнившей кровью империалистической основой, которая отживает свой век, осуждаемая за свою агрессивность и отвергаемая за эксплуатирующую трудящихся и угнетенных народов».

В этих словах, в решениях Верховного Совета, в принятой им Декларации выражены воля и мудрость миллионов!

Единодушие

От края до края нашей великой Родины советские люди горячо одобряют решения второй сессии Верховного Совета СССР. Собрания трудящихся, посвященные итогам сессии, проходят в обстановке огромного патристического подъема.

— В решениях сессии, — сказала на собрании работников московского 1-го подшипникового завода имени Я. М. Кагановича начальница А. Козлов, — выражена наша непоколебимая воля неустанно укреплять экономическую и оборонную мощь родного социалистического государства.

Эту же мысль подчеркнул в своей речи шифровщица Э. Шенна, отметившая, что избранный народ — депутаты направляли народные средства туда, где они всего нужнее.

— Мы, — сказал начальник производства завода М. Овчинников, — глубоко разделяем мысль, высказанную товарищем Молотовым, о том, что в случае новой войны погибнет не «мировая цивилизация», а погибнет та уже подгнившая общественная система, с ее прогнившей кровью империалистической основой, которая отживает свой век.

Тов. Овчинников выразил общее удовлетворение коллектива речью главы Советского правительства Н. А. Булгакина. Бурными аплодисментами встретили собравшиеся заключительные слова оратора.

— От всего сердца желаем нашему родному правительству новых успехов в его работе на благо народа, в его борьбе за мир во всем мире, за укрепление дружбы между народами.

Собрание приняло постановление, в котором единодушно одобряются решения второй сессии Верховного Совета СССР. Многолюдные собрания состоялись на многих предприятиях и в учреждениях Москвы, Ленинграда, Киева и других городов.

ЛЕНИНГРАД. (Маш норр.). На собрании, состоявшемся в Доме писателя имени В. В. Маяковского, ленинградские литераторы единодушно одобрили решения второй сессии Верховного Совета СССР. На собрании выступили В. Дружин, В. Сайнов, Е. Катерин, А. Попов, Б. Мейлах, А. Чивилихин, Е. Шварц, Е. Серебровская, Б. Черков.

В постановлении, принятом собранием, говорится, что писатели Ленинграда будут и впредь активными борцами за политику Коммунистической партии и Советского правительства, что они всю свою творческую энергию, силу таланта и мастерство отдадут благородному делу построения коммунистического общества, дальнейшему укреплению могущества советской Родины, борьбе за мир и прогресс.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 19 (3364)

Суббота, 12 февраля 1955 г.

Цена 40 коп.

ВЧЕРА ОТКРЫЛАСЬ ДЕКАДА БЕЛОРУССКОГО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ

ВМЕСТЕ С НАРОДОМ

Петрусь БРОВКА

В 1940 году в Москве прошла декада белорусского искусства. Она явилась большим событием в жизни Советской Белоруссии, свидетельством целого расцвета творческих сил белорусского народа.

До Великой Октябрьской социалистической революции у белорусов не было ни театров, ни журналов, ни газет на родном языке. С великой душевной болью писал о доле своего народа в дореволюционные годы молодой Янка Купала:

В каждой стране, вдохновенно согрето, Слово певца о народе звучало. У белорусов же нет и поэта, Пусть уж им будет хоть Янка Купала!

В годы советской власти, благодаря мудрой национальной политике нашей партии, невиданно выросла и расцвела белорусская литература. Под руководством партии были разбиты националистические группы и течения, разгромлена их заведная, антинародная идеология. Литература белорусского народа вышла на широкий путь социалистического реализма. Советскому читателю стали хорошо известны вместе с Янкой Купалой и Якубом Коласом имена Змитрока Бядули, Кондрата Крапивы, Кузьмы Чорного, Михаса Лынькова, Эдуарда Сажука, Петра Габки, Аркадия Кулешова, Ивана Панченко. Прозвучали тогда — в дни декады 1940 года — и голоса революционных писателей Западной Белоруссии, воссоединенной со своей родиной: Максима Танка, Флишца Пестрака, Валентина Тавлая и Михаса Машары.

Пятнадцать лет минуло с того времени — трудных и радостных лет, полных событий великого исторического значения. И можно смело сказать, что на всех этапах борьбы народа кровными его интересами жила и белорусская художественная литература.

Поэты и писатели Советской Белоруссии с первых дней Великой Отечественной войны активно включились во всенародную борьбу за честь и независимость своей Родины. Они сражались на фронтах войны, другие — в партизанских отрядах. Военные стихи Янки Купалы и Якуба Коласа, Кондрата Крапивы и Петра Габки передали линию фронта, их заучивали наизусть, распространяли в глубоком вражеском тылу. Они знали народ к борьбе.

Не плачь, земля! Народ мой, не тужи, Восстаем ты местью ярой И хищнику за кровь и грабежи Ответ жестокой карой, — писал Я. Колас.

Фронтники Аркадий Кулешов создал в эти годы поэму «Знамя бригады», Максим Танк — поэму «Янук Селиба», Кондрат Крапива — поэму «Испытание огнем», Кузьма Чорный выпустил книгу острых антифашистских фельетонов, Михась Лыньков — сборник рассказов из фронтовой и партизанской жизни, Имен Панченко — сборник стихов о героической борьбе народа. Белорусский поэт Анатолий Астрейко в тяжелых условиях походной партизанской жизни издал сборник стихотворений «Слуцкий пояс». Активно работали в годы войны и многие другие литераторы. Вместе с народом, в самой гуще всенародной борьбы — этому принципу всегда были верны белорусские советские писатели.

Радость великой победы, горечь незабываемых утрат, а главное, страшная жажда созидания — все эти чувства, охватившие советский народ в послевоенные годы, вдохновляли и белорусскую литературу. Эта жажда никогда не замирала в сердце народа. И недаром в самый разгар боев, в 1942 году, Имен Панченко обратился к родной стране:

Залечу твои раны! Осую твои очи! Я рукою расправлю твой каждый листочек, Насажу в деревнях и по селам сады я. Чтоб ты вечно цвела, Чтобы в счастье росла, Дорогая моя Беларусь!

В послевоенные годы, благодаря дружеской помощи великого русского народа и других братских народов, бурно развивалось народное хозяйство Советской Белоруссии. В республике вырастают гиганты промышленности, такие, как автомобильный и тракторный заводы в Минске, поднимались из руин города, укреплялось колхозное село. Наливались новыми соками и белорусская культура. Заметных творческих успехов достигли театральное, музыкальное, изобразительное искусство и литература Советской Белоруссии.

Рядом с писателями старшего поколения встали новые литературные силы. Достаточно сказать, что за десять лет после войны белорусская писательская организация выросла за счет одаренной молодежи больше чем вдвое — с 60 до 140 человек.

Вчера в Москве открылась декада белорусского искусства и литературы. Белорусский театр оперы и балета начал свои выступления в столице оперой Е. Тикоцкого «Девушка из Полесья», рассказывающей о партизанах Полесья, их подвигах. Государственный театр имени Янки Купалы показал «Константина Заслонова» А. Мовзона, Русский драматический театр БССР — пьесу М. Горького «Варвары», Драматический театр имени Якуба Коласа — пьесу В. Вольского «Пестерка».

На спектакле «Девушка из Полесья» присутствовали товарищи Н. А. Булгакин, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, В. М. Молотов, М. П. Перухин, М. З. Сабуров, Н. С. Хрущев, П. К. Пономаренко, Г. Н. Поспелов, М. А. Суслон, Н. Н. Шаталов, секретарь ЦК КП Белоруссии Н. С. Патолчев, председатель президиума Верховного Совета БССР В. И. Козлов, Председатель

Совета Министров БССР К. Т. Мазуров. Спектакль прошел с большим успехом.

Утром на Белорусском вокзале в Москве состоялась встреча второй группы участников декады. Здесь собрались представители общественных и литературных организаций столицы. От президиума Союза писателей СССР гостей тепло приветствовал С. Антонов. С ответными речами выступили руководитель Белорусского Государственного хора народный артист БССР Г. Ширма и писатель М. Лыньков. Они благодарили за радужный прием, говорили о том, что декада явится не только большим праздником, но и серьезным смотром мастерства и творческих возможностей писателей и деятелей искусств республики. С. Гордочкин и А. Прокофьев преподнесли гостям букеты живых цветов.

Сегодня днем в Центральном доме литераторов открылась выставка белорусской книги, а вечером в Концертном зале имени П. И. Чайковского состоится первый литературный вечер декады.

Человек. Эти люди пришли с фронтов Отечественной войны, из партизанских отрядов. Многие из них до войны работали в колхозах, на заводах, в школах. То, чем жил народ, — его героические ратные и трудовые подвиги, его думы и чаяния, — нашло свое отражение в последующей белорусской литературе. В ней появились первые, правда, еще не совсем совершенные произведения, показывающие жизнь белорусского рабочего класса. Среди них упомянем повесть Макара Посадловича «Теплое дыхание» — о людях Минского автомобильного завода, повести Алексея Кулаковского «Закалка» и Веры Литовой «Зарво над лесом» — о людях Минского тракторного завода, повесть Ивана Грамовича «С тобой, Москва», пьесы К. Крапивы «Зантересованное лицо», А. Кучара «Воскопые сердца», В. Поспелова «Что посеешь, то и пожнешь».

Конечно, удовлетвориться одним «коллективным» ростом мы ни в коем случае не можем. Некоторые из перечисленных произведений страдают еще существенными недостатками, изображают действительность поверхностно, схематично, образы героев не запоминаются. Но настоящему глубоко показать человека труда — эту задачу мы еще не решили. Написано, что называется, средние произведения, некоторые наши писатели на этом и успокаиваются, не стремясь совершенствовать свои книги, овладеть высотами художественного мастерства.

Значительно больше, чем о рабочем классе, написано поэтами и писателями Белоруссии произведений о колхозной деревне. Некоторые романы и повести известны сегодня довольно широкому кругу читателей. Романы «Свет над Лиском» М. Посадловича, «В добрый час» И. Шамякина, «Под мирным небом» А. Стаховича, повести «Весенняя Л. Хадевича, «В Заболотье светает» Я. Брыля и «Пути-дороги» Е. Васильева показывают жизнь колхозной деревни в послевоенные годы. Написан об этом и ряд поэмов — «Новое русло» А. Кулешова, «Светоч» А. Бельвича, «Повесть про золотое дно» А. Заричного. На сценах многих театров Советского Союза идут пьесы белорусских драматургов, посвященные острому вопросу жизни современного села. — «Плот жаровники» Я. Крапивы и «Извините, пожалуйста!» А. Макаенка.

Мало хороших стихов о колхозах написали белорусские поэты Я. Колас, М. Танк, П. Панченко, П. Габка, М. Лужанин, К. Ирвинко, А. Белюгин, Р. Нехай, В. Корбан, В. Витка, К. Буйло и другие.

Но, отмечая достижения, мы не должны забывать о том, что они еще весьма скромные и в этой области. Слов нет, наши книги читаются в колхозах и заводских поселках и часто получают положительные отзывы. Но ведь и до сих пор белорусские литераторы не создали еще образа такого героя, который стал бы примером, у которого можно было бы учиться строить настоящее жилище.

За последние годы много поработали белорусские писатели над тем, чтобы создать образ коммуниста — передового человека нашего времени. Известных успехов добились здесь наши прозаики. Запоминаются образы колхозных вожаков-коммунистов Демиды Сыча в романе «Свет над Лиском» М. Посадловича, Игната Ладзынина в романе «В добрый час» И. Шамякина, Васяля Сурама в повести «В Заболотье светает» Я. Брыля.

С большой силой о коммунистах говорит в поэме «Новое русло» Аркадий Кулешов:

Коммунист — он покоя не ищет нигде, Он в кипении боя, в борьбе и труде. И ведет его цель, Что сияет вдали. — Коммунистами станут Все люди земли...

По то, что сделано нами по отображению в литературе передовых людей нашего времени, пока еще только начало. Мы знаем, сколько за последние годы выросло реальных героев, показывающих во всех областях нашей жизни примеры того, как надо жить и трудиться, а в наших книгах сделаны только еще первые попытки их изображения. Наши писатели сравнивают иногда свои произведения с произведениями своих близких товарищей, пытаются таким путем установить их качество. Это неправильно. Чтобы выяснить действительную ценность книги, надо сравнивать ее с богатством самой жизни и с достижениями всей советской многонациональной литературы.

Учальные произведения написаны писателями Советской Белоруссии о героиче-

ском прошлом своего народа, главным образом, о борьбе народа за социальное и национальное освобождение и о всенародном партизанском движении в Белоруссии. Эпическим характером, многоплановостью изображения особенно отличаются: повесть Я. Коласа «На перепутье» — произведение, с большой художественной силой отображающее рост революционного движения в белорусской деревне в годы самодержавия; роман Ф. Пестрака «Встретимся на баррикадах» — о самоотверженной борьбе угнетенного польским панам белорусского народа за восстановление в едином Советском государстве; роман М. Лынькова «Незабываемые дни» — эпопея всенародного партизанского боя в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны.

Широким размахом повествования отличаются и роман И. Шамякина «Глубокое течение» о белорусских партизанах и роман И. Мележа «Минское направление», посвященный освобождению Белорусии от фашистов. В ту же группу произведений и отнес бы романы М. Ткачева «Слабоустье» и И. Гурского «В огне».

Героизм белорусского народа нашел свое отражение и в лучших произведениях наших поэтов и драматургов. Ограничимся только перечислением: это поэмы «Хата рыбака» Я. Коласа, «Знамя бригады» и «Гранца» А. Кулешова, «Янук Селиба» М. Танка, «Клады Градовского» М. Лужанина, «Родная крыница» А. Бельвича, пьесы «С народом» К. Крапивы, «Константин Заслонов» А. Мовзона, «Что было в Минске» А. Кучара, «Брестская крепость» К. Губаревича.

Детскому и юному читателю хорошо знакомы произведения детских белорусских писателей Я. Маля, Я. Брыля, А. Якимовича, Э. Огнецвет. Плодотворно работают и русские писатели, живущие в Белоруссии: А. Миронов, Д. Ковалев, А. Иванов, М. Садкович, Н. Гордлев.

Некоторые успехи достигли за последнее время белорусское литературоведение и критика. Вышел на русском языке «Очерк истории белорусской советской литературы». Интересные монографии и критические работы написаны В. Барновым, А. Кучаром, С. Майхровичем, Ю. Шпирковым, Н. Перкинсом, В. Борысенко, В. Иваншиным, М. Баретом, Б. Бурьяном.

Советская белорусская литература росла и растет, участв на лучших произведениях русской литературы, во взаимном обогащении со всеми литературами братских народов СССР. На белорусский язык переведено за годы советской власти и особенно за годы после Первого съезда писателей очень много произведений русской классической и современной литературы, произведений писателей других братских народов, зарубежных классиков и современных прогрессивных писателей.

От всего сердца благодарны мы нашим русским товарищам — поэтам, писателям и квалифицированным переводчикам за их большую работу по переводу произведений белорусской литературы на русский язык. Каждый из нас с великой радостью встречает выход своей книги на русском языке, зная, что это открывает ей дорогу ко всем народам братских республик, а за последние годы — и к многим миллионам читателей за рубежом.

Тема дружбы народов и борьбы простых людей всех стран за мир — одна из главных тем белорусской советской литературы. Хорошо выразил чувства, которые волнуют сегодня советского человека, Максим Танк:

Мы приветствуем Мирного солнца восход. Пусть же знают Противники мира, Что им Не затмить наше солнце Туманом своим.

Тот, кто к дружбе стремится, Нашу дружбу найдет, Тот, кто к правде стремится, Нашу правду найдет, Тот, кто к песне стремится, Нашу песню найдет. А кто ветер посеет, — Тот бурю пожнет!

ЦК Коммунистической партии Советского Союза в своем приветствии Второму всесоюзному съезду советских писателей призвал нас, советских литераторов, более глубоко изучать жизнь, постоянно повышать свое художественное мастерство. К декаде белорусского искусства и литературы в Москве мы пришли о несомненных достижениях. Но мы знаем, что наши требования и внимательные друзья-москвичи принципиальной и товарищеской критикой помогут разобраться и в наших недостатках.

Белорусские поэты и писатели чувствуют к своему творческому отечу с чувством большой ответственности и большой надежды.

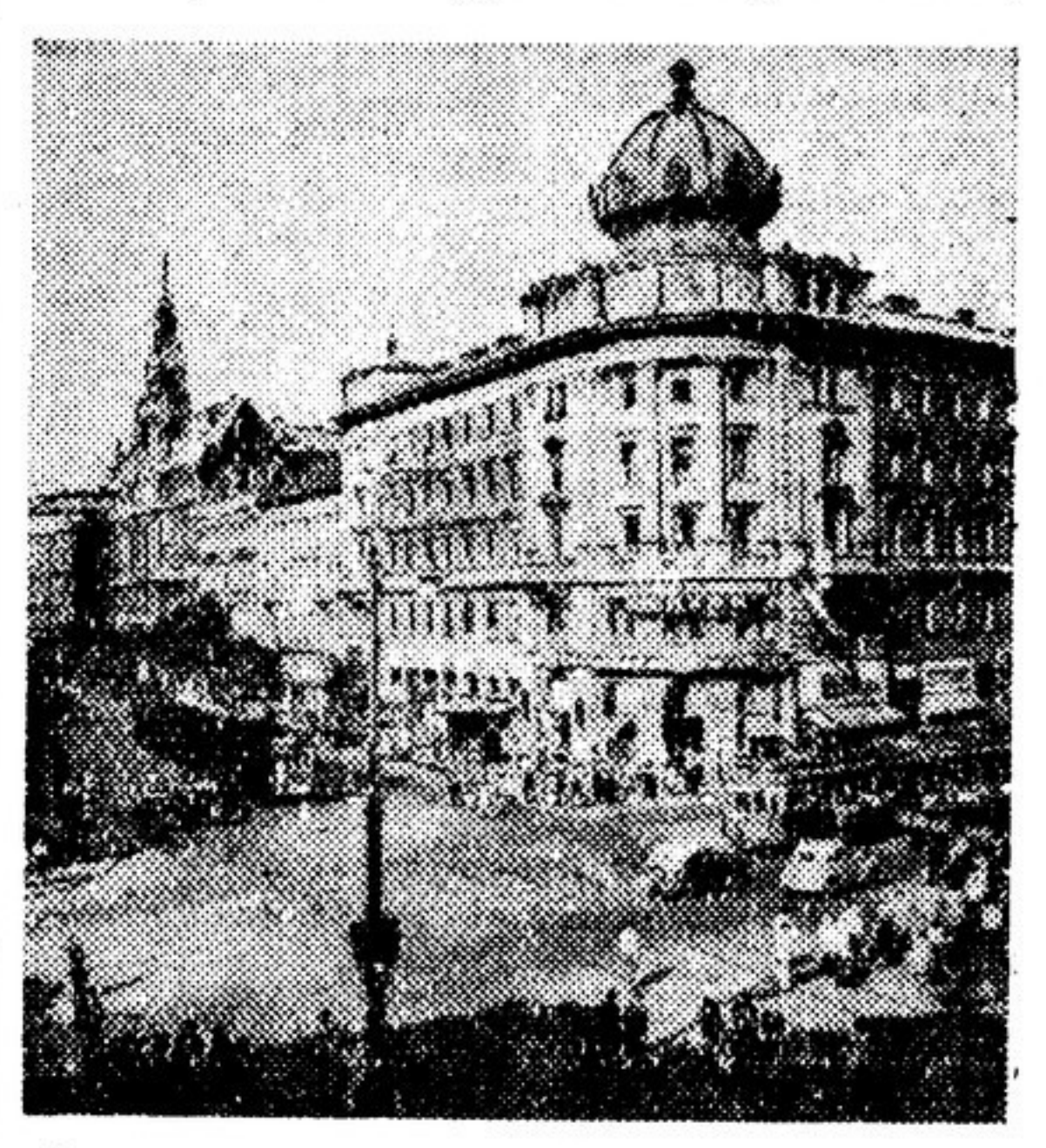
Международные отклики

10 ЛЕТ СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ БУДАПЕШТА

«Венгрия — это прежде всего Будапешт», — говорят венгры. 10 лет назад в летоисчислении Будапешта — одного из самых красивых и древних городов Европы, ныне столицы народной Венгрии, центра ее экономической и культурной жизни — была открыта новая страница. 13 февраля 1945 года войска Советской Армии освободили город от гитлеровских захватчиков.

В февральские дни нынешнего года, когда жители Будапешта готовились к знаменательной дате, в другом конце земного шара весьма высокопоставленные лица произнесли речь о новом «освобождении» венгерского народа. 8 февраля президент США выступил в программе телевидения. Он высоко оценил деятельность небыстрого радио «Свободная Европа», — одного из филиалов американской разведки. Эйзенхауэр похвалил реакционную американскую организацию «Крестовый поход за свободу», ведущую подрывную деятельность против демократического лагеря. «Я уже давно решительно поддерживал «Крестовый поход за свободу», — заявил президент США. Я делаю это потому, что мне хорошо знакомы его цели, его деятельность, люди, которые руководят им, и быть может, что имеет наибольшее значение, его большая действительность, как независимого американского предприятия».

Мудрая китайская пословница гласит: «Бойся не дракона девятиглавого, а человека двуязычного». Кому не известно о какой «свободе» заботятся американские правящие круги. Они открыто провозглашают главными целями их внешнеполитического курса так называемое «освобождение» стран, где победил рабочий и крестьяне, где в власти встали сами трудящиеся. Они расписывают американский капитализм, как источник культуры для всего человечества, как образчик «полной демократии», той самой демократии, о которой еще Марк Твен писал: «По благости всевышнего, мы, американцы, владем тремя неосценными дарами: свободой слова, свободой совести и благодарностью не пользоваться ими». Правящие круги США расхвалива-

Будапешт сегодня. Один из уголков венгерской столицы

ют «капиталистический рай» и его благу перед народами, которые эти «блага» испытали на себе и именно поэтому сбросили капитализм, похоронили его, а теперь строят социализм.

Нужно ли говорить о том, что реакционные мечтания американских империалистов решительно отвергаются трудящимися стран народной демократии? Они давно разобрались, в чем отличие «освобождения», провозглашаемого с березок Потсдама, от подлинного, действительного освобождения. Они отдают себе отчет в том, что американская политика «освобождения» не может означать ничего другого, как подготовку войны за восстановление мирового господства империализма.

За многовековую историю Будапешта в этот город не раз вступали иностранные войска, но раз от него оставались развалины, но никогда он еще не видел таких войск, которые принесли бы не меч, но мир, не уничтожение, а восстановление жизни. Мир и свободу принесли советские войска. Гитлеровцы умышленно взорвали все мосты — гордость Будапешта. Они разрушили вокзалы, промышленные предприятия. В городе оставалась неповрежденной только четвертая часть всех зданий.

Советские солдаты, вступив в Будапешт, накормили голодающих освобожденных жителей столицы. Они же построили первый мост через Дунай. С помощью Советской страны были восстановлены жилые дома, культурные учреждения, предприятия. С помощью советских специалистов, в промышленном пригороде Будапешта — Чепеле — построен крупнейший в стране автомобильный завод.

Сегодня будапештцы с гордостью говорят о своей возрожденной столице, о жизнерадостном, оживленном городе на берегах Дуная. Они построили красивые мосты, связавшие оба берега, и кварталы новых домов в рабочих районах, новые больницы, ясли, клубы, спортивные стадионы, библиотеки. В Будапеште открыто много новых школ, техникумов, институтов. Вечером тысячи людей забывают театры и кино. Не только восстановлены прежние театры, но и открыты четыре новых.

В эти дни город переживает большие события. На заводах и фабриках, в учреждениях и учебных заведениях, в квартирах Будапешта тысячи людей ставят свой подпис под Обращением Бюро Всемирного Совета Мира. Как и трудящиеся всей Венгрии, жители столицы протестуют против развязывания новой войны, против уничтожения германского милитаризма, требуют уничтожения атомного оружия. Им дороги мир, счастье и свобода, которые десять лет назад принесла венгерской земле Советская Армия-освободительница.

ЛИТЕРАТОР

75-летие Д. И. Заславского

В Центральном доме журналиста состоялся вечер, посвященный 75-летию со дня рождения Давида Исидоровича Заславского. Открывая вечер, С. Стуцкий отметил разностороннюю деятельность Д. И. Заславского — и как фельетониста и публициста, и как критика-литературоведа. Юбилера тепло приветствовал Ю. Францев — от редакционной и коллектива «Правды». В. Катяев — от Союза писателей, С. Швецов, А.К. Васильев, Л. Лени — от журнала «Крокодил», представители ряда других центральных газет и журналов, а также С. Маршак, художественный критик и Б. Ефимов, композитор Л. Кабалевский, народный артист СССР М. Жаров.

На вечере были оглашены приветствия в адрес юбиляра от редакций многих областных и республиканских газет, а также от редакций газет из Китая, Болгарии, Венгрии. В ответном слове Д. Заславский выразил глубокую благодарность партии и правительству за высокую награду, которой отмечена его многолетняя работа в советской печати, а также высказал свою признательность собравшимся на юбилейный вечер.

Первые выступления

Вчера в Москве открылась декада белорусского искусства и литературы.

Белорусский театр оперы и балета начал свои выступления в столице оперой Е. Тикоцкого «Девушка из Полесья», рассказывающей о партизанах Полесья, их подвигах. Государственный театр имени Янки Купалы показал «Константина Заслонова» А. Мовзона, Русский драматический театр БССР — пьесу М. Горького «Варвары», Драматический театр имени Якуба Коласа — пьесу В. Вольского «Пестерка».

На спектакле «Девушка из Полесья» присутствовали товарищи Н. А. Булгакин, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, В. М. Молотов, М. П. Перухин, М. З. Сабуров, Н. С. Хрущев, П. К. Пономаренко, Г. Н. Поспелов, М. А. Суслон, Н. Н. Шаталов, секретарь ЦК КП Белоруссии Н. С. Патолчев, председатель президиума Верховного Совета БССР В. И. Козлов, Председатель

Совета Министров БССР К. Т. Мазуров. Спектакль прошел с большим успехом.

Утром на Белорусском вокзале в Москве состоялась встреча второй группы участников декады. Здесь собрались представители общественных и литературных организаций столицы. От президиума Союза писателей СССР гостей тепло приветствовал С. Антонов. С ответными речами выступили руководитель Белорусского Государственного хора народный артист БССР Г. Ширма и писатель М. Лыньков. Они благодарили за радужный прием, говорили о том, что декада явится не только большим праздником, но и серьезным смотром мастерства и творческих возможностей писателей и деятелей искусств республики. С. Гордочкин и А. Прокофьев преподнесли гостям букеты живых цветов.

Сегодня днем в Центральном доме литераторов открылась выставка белорусской книги, а вечером в Концертном зале имени П. И. Чайковского состоится первый литературный вечер декады.

Бумага не все терпит!

В НАШЕЙ стране в прошлом году было издано около миллиона экземпляров книг. Достаточно взглянуть в эту цифру, чтобы понять, каких огромных успехов достигли советские издательство и полиграфия. Тем более нетерпимы становятся досадные проблемы в обеспечении материально-технической базы нашей полиграфии.

Мне, как редактору «Истории русского искусства», хочется предельно свои претензии к руководителям химической и бумажной промышленности. Есть последние: «Бумага все терпит». Терпит она, к сожалению, и неоднократные письменные и печатные заверения Министерства химической промышленности СССР о том, что наша полиграфия обеспечена высококачественными красками. Однако до сих пор мы не можем добиться высококачественной и стандартной краски для четырехцветной печати, без которой неважно для художественной репродукции произведений живописи.

Краски не имеют необходимой прозрачности и при наложении одна на другую вместо цветового спектра дают, сплошь и рядом, мутное и невыразительное изображение. Нет еще в типографском обиходе в достаточном количестве даже полноценной черной краски. Она у нас, сплошь и рядом, серая, а не черная, не обладает необходимой интенсивностью и сочностью, обеспечивающей яркую и четкую иллюстрацию в книге.

СМЕШНО говорить, что наша передовая химическая промышленность не в состоянии обеспечить качественные краски для полиграфии. Все дело в том, что мы ходим у них в «бедных родственниках». Поскольку полиграфия занимает по количеству потребляемых красок, весьма незначительное место, ей не уделяется того внимания, которое она по праву заслуживает.

Бумага, к сожалению, терпит и другие вещи, которые она не может и не должна терпеть. Я говорю, в первую очередь, о меловой бумаге, без которой нельзя создать настоящего репродукции с произведений живописи и скульптуры.

Слой мела наносится слишком толстым, бумага становится неуклюжей, теряет свою эластичность, и качество печати на ней резко снижается. Получается так называемая «бумажная фактура», исключающая все планы в тонких и, следовательно, чем больше она работает, тем более она работает низкокачественной, толстой, страдающей «ожирением» меловой бумагой, тем легче ей выполнять план. Стоимость бумаги тоже исчисляется в весе, и издательство вместо того, чтобы наказывать фабрику за плохое качество, переплачивает фабрике огромные суммы за излишнюю, вредную тощину меловой бумаги.

ПРИВЕДЕННЫЕ мною факты характеризуют равнодушие, с которым относятся еще многие работники химической и бумажной промышленности к полиграфии. Неужели они не любят книгу и не хотят помочь сделать ее еще более культурно и нарядно оформленной?

Цвета книги бумаги испускают уже по вопросу о качестве красок и бумаги. Невольно хочется сказать, переработав известную поговорку: «Гладко писаны бумаги, да забыли поправить...».

И ГРАБАРЬ, академик, директор Института истории искусств Академии наук СССР

Поступила рукопись...

С тех пор, как мне пришлось заниматься не только литературной, но и редакторской работой в издательстве «Советский писатель», часто слышу и ехидные замечания:

— Сколько времени затрачивается сейчас у нас на издание книги? Год, примерно? В чем же причина столь обычных черепашьих темпов в нашем книжном производстве?

Приследим путь рукописи. Вот в издательство поступила рукопись романа. По существующему порядку она прежде всего должна быть «рецензирована», причем обязательно двумя рецензентами (одному не доверяют). На это, если в романе 20—25 печатных листов, уходит месяца два-три. Ведь рецензенты — обычно писатели, и чтение рукописей для издательства не считается своей основной работой...

Далее, рукопись читается издательскими работниками — редактором и заведующим отделом. (Опять «взаимоконтроль»). На это также надо позвать хотя бы месяц, ибо редактор издательства обязан ведь еще и редактировать книги, ранее одобренные, а также читать корректуры. У него даже «норма» есть (и без учета особенностей его труда, а такая, как, допустим, у дессурба), и понятно, что он не может заниматься только чтением вновь поступивших рукописей.

А заведующий отделом перегружен еще больше. Затем рукопись обсуждается на редсовете... И вот, глядишь, погода не прошла, и рукопись принята издательством!

Казалось бы, что теперь все в порядке: к автору прикрепляется редактор, и они дружно за месяц-два готовят рукопись к набору. Затем ее вычитывают корректоры и направляют в типографию. Полиграфисты, строго выдерживая график, еще через 4—5 месяцев выдают «сигнал», а затем и весь тираж...

И так через 12—14 месяцев читатель получает книгу. Но и это — в лучшем случае! Не всегда, увы, произведения автора продвигаются к читателю по приведенному выше графику. Сроки часто затягиваются. И повинны в этом издательство.

Дело в следующем. Планировать выпуск книг на очередной год издательства начи-

нают по требованию Главиздата в масштабе «тенушего» года. В сентябре-октябре план утверждается и подкрепляется заявками на бумагу.

На первый взгляд, казалось бы, порядок этот неплох. На самом же деле он узаконивает право издательства не торопиться с изданием новых произведений. Допустим, к примеру, автор принес в июле рукопись романа объемом 20—25 листов. До составления окончательного издательского плана на следующий год, то есть до сентября, издательство не может определить его качество и одобрить (об этом говорилось выше), и роман не попадает поэтому в план. Он может быть огульно одобрен в очередном году лишь за счет резерва или какого-то другого произведения. Но резервы бумаги в издательствах очень малы. И вот роман, попавший в издательство в июле, на «экономном» основании лишь через год попадает в план редакционной работы и выходит из печати, в лучшем случае, пробыв в издательстве 18—20 месяцев!

Привыкшие к существующим порядкам работники издательства, вероятно, будут протестовать:

— Как! Вы против коллективности в редакционной работе? Против чтения рукописей рецензентами, против плана?

Нет, конечно! Я отнюдь не против всех этих полезных вещей, я лишь против, так сказать, излишества в этом деле, излишества, тормозящих живой процесс издания книги.

Я за то, чтобы рукописи обсуждались на редсоветах, но только сложные, спорные рукописи. А главное — за то, чтобы поднять ответственность редактора издательства. Ему можно доверить оценку произведений вместе с одним рецензентом. Я за твердое, «железное» планирование в издательском деле, но только по разделу произведений, то издательствам должно быть предоставлено право сдвигать сроки «новинок» в производстве и выпускать их в течение всего года.

При таком порядке издательства должны получать бумагу отдельно под план переводов и отдельно — под новинки по потребности, по месяцам или квартальным заявкам.

В. СЫТИН

Автор и редактор

В 1936 году мне довелось по поручению издательства «Советский писатель» редактировать для переиздания роман «Как закалялась сталь». На этой почве мы познакомились, а потом и сблизились с Николаем Островским. В первую нашу встречу Островский сказал мне:

— Скажу тебе откровенно, что очень хочу почувствовать, как ты прочтешь мою книгу. Ведь ты ее будешь причислять и в люди выводить. Как прочтешь — это не плохо, а вот какой грешечкой?

В самом деле: какой «грешечкой»? Иначе сказать: где те установленные критерии, с которыми редактор должен подходить к художественному произведению или к литературно-критической статье? Где те границы, которые разделяют право редактора требовать и право автора не соглашаться?

В области редактирования не выработаны такие правила. Отсутствие общих норм приводит (и довольно часто) к тяжелым недоразумениям, когда многие авторы считают редактора издательства лицом, призванным портить им жизнь и настроение, а редакторы (к сожалению, сей случай встречается чаще) считают автора неизбежной помехой, принудительной нагрузкой при подготовке им, редактором, рукописи к сдаче в набор.

К чему сводится роль редактора издательства художественной литературы? Кто он — советчик ли автору, правщик стилистики, посредник ли между автором и типографией, или сторож-контролер издательства при рукописи, призванный обезопасить издательство от возможных ошибок и неприятностей?

В идее редактор — человек, стоящий на страже интересов литературы в целом, интересов широкого читателя. А на деле? На деле процесс редактирования часто зависит от множества привходящих обстоятельств, среди которых немаловажное значение имеет «сопротивляемость» автора или его общественной вес, а также вкусовые пристрастия и тиранические склонности иных редакторов.

Административный подход некоторых редакторов к тексту воспитывается и рав-

ноушим иных писателей к тому, что ими написано, их готовности на любые уступки, вплоть до согласия на выписывание в произведение чужой рукой целых страниц, лишь бы увидели его в печати.

Хаотическое состояние взаимоотношений авторов и редакторов привело к тому, что у иных теряется сознание того, что все-таки автор, писатель, является хозяином своего произведения. От редактора всегда требуется величайший такт, когда он начинает работать над рукописью, тем более выписывать в нее что-либо.

Николай Островский рассказывал мне, что один из редакторов его романа «Как закалялась сталь» настаивал на том, чтобы вычеркнуть сюжетную линию Тони из романа: «Не может», — говорил, — пролетарский парень возжечься с буржуазной барышней. Ну, нет, — этого я им не отдал. Вообще, если начать вспоминать, как меня учили да по моей рукописи ревизали, то это значит вспоминать не только, как я учился, но и как я дрался».

Вновь предложение: разработать и издать типовую инструкцию по работе редакторов издательства художественной литературы. Этот вопрос давно назрел, и его упорядочение имеет исключительное значение для писателей. Вот почему было бы важным, чтобы на Всесоюзном совещании выступили редакторы художественной литературы и писатели и поделились своим опытом совместной работы. Этот опыт надо обобщить в типовой инструкции, в разработке которой должен принять участие Союз писателей.

К. ЗЕЛИНСКИЙ

Искусство оформления

И ПИСАТЕЛЬ, и художник, и издательство, и, главное, советский читатель заинтересованы в высоком качестве оформления нашей книги. Заинтересованы, казалось бы, в этом и типографисты.

Почему же иногда книга имеет еще такой серый, тусклый вид? Что греха таить, у нас в полиграфии часто в погоне за количеством забывают о качестве, ведут работу только под одним углом зрения: а сколько «краскорогонов» мы успели сегодня сделать?

«Краскорогоном» — это название одной краски на бумажной индустрии. Но за этим безобидным термином еще часто скрывается пренебрежение к искусству оформления книги, забвение интересов советского читателя.

Наряду с изданиями, напечатанными «с душой», многие книги-пасынки печатаются равнодушно, без заботы об их внешности.

Немаловажную роль играет уравниловка в заработной плате граверов, цинкографов и мастеров-печатников, от которых в значительной степени зависит внешность будущей книги.

Как ни странно, но оплата их труда, требующего не только умения, но и искусства, построена без должного стимула для улучшения качества печати.

Высококвалифицированный мастер цветного травления, готовя кинше музейной картины, старается отлично выполнить задание, а зарабатывает меньше, чем сидящий рядом с ним малокачественный стандартную техническую работу. И это только потому, что он успевает «выгнать» большее количество квадратных сантиметров площади кашины. Так и печатник, прикладывая и печатающий сложные цветные иллюстрации, часто зарабатывает меньше, чем рядовой печатник, который «гонит» стандартные этикетки для спичечных коробок.

И все это происходит потому, что основным критерием работы является только один показатель: «количество краскорогонов».

Вот что еще хотелось бы отметить. В полиграфии огромную роль играет понимание всем коллективом работников типографии значения искусства оформления книги. К сожалению, об этом у нас еще очень мало думают.

Институт по повышению квалификации кадров полиграфии и издательства включил в программу занятий главных инженеров типографий много всяких технических дисциплин. Там есть и механика, и начертательная геометрия, и другие весьма нужные предметы, но при этом полностью отсутствуют... искусство оформления книги.

В нашей стране, где в ближайшие годы вступит в строй несколько крупнейших комбинатов цветной печати, должен быть в государственных масштабах решен вопрос о художественном воспитании полиграфических кадров.

Никогда нельзя забывать, что полиграфия и искусство — родные братья!

Д. ШАРНИНОВ, заслуженный деятель искусств, действительный член Академии художеств СССР

Слово полиграфиста

Автор написал книгу, и издательство решило ее издать.

Что ж, дело как будто остается за небольшим: рукописи отправят в типографию, там ее наберут и отпечатают в положенный срок.

Но в действительности путь книги не так уж прост. Слишком часто выпуск ее в свет задерживается: даже в лучших книжных типографиях нашей страны, как, например, в московской 1-й Образцовой, производственный процесс так замедлен, что почти вдове превышает установленные сроки выпуска книг в свет.

В настоящее время для производственного процесса в типографиях характерны два разрыва. Первый создается в наборном цехе из-за ожидания издательской корректуры, второй — между печатным и брошювочно-переплетным цехами из-за накопления отпечатанных листов на складе.

По поводу этого второго разрыва, зависящего уже от самой полиграфии, стоит поговорить подробнее. Дело в том, что в машинном парке многих наших типографий нет достаточного количества одноформатных машин. А ведь массовые тиражи многих наших книг достигают сотен тысяч, а даже миллионов экземпляров. Издания в 100, 200, 300 тысяч экземпляров стали для нас обычным явлением. Учебники печатаются тиражами в полтора, два и более миллиона экземпляров. Недостаток печатных машин вынуждает наши типографии печатать отдельные листы одной и той же книги в разное время. Листы приходится упаковывать в пакчи и отправлять на склад, где они и лежат часто по несколько месяцев, дожидаясь, пока все остальные листы будут отпечатаны и можно будет приступить к брошюровке всей книги.

Нам кажется, что для улучшения обслуживания издателя, а также для резкого сокращения длительности производственного цикла и ликвидации разрыва на этом участке следовало бы выделить недогруженные наборные цехи от типографий и объединить их в мощные наборные фабрики. Подсчеты показывают, что этим мы не только освободим площади от незагруженных цехов, но и получим возможность сократить цикл набора с 30—40 дней до 3—4 по книгам любого объема.

Ликвидация наборных цехов на крупнейших книжных предприятиях и полу-

чение ими матриц и утвержденного макета книги от наборной фабрики создаст на этих предприятиях бесперерывный процесс. Все листы книги, одновременно напечатанные, будут поступать в брошюровку без всякой задержки.

Возникает также вопрос о создании в нашей стране специализированных фабрик для централизованного изготовления цветных вкладок, вклеек, карт, обложек.

Мы считаем, что организация специализированных фабрик значительно облегчит и упростит работу наших издательств, не говоря уже о том, что серьезно ускорится производственный процесс.

Конечно, предлагаемая реорганизация нашей полиграфической промышленности может кое-кого смутить. Уж слишком необычно все то, о чем здесь сказано. Однако достаточно директору любого из наших крупных предприятий, выпускающих книги, задуматься в сущности предлагаемых кооперирования и специализации, — он увидит целесообразность предложенных.

Именно на наборной фабрике можно будет смело вскрывать передовую технологию для самых сложных видов набора. Только здесь, на такой фабрике, можно достичь узкой специализации наборщиков и наборных машин.

Следует также подумать о том, чтобы в централизованных наборных фабриках имелись гальваностерейные цехи. Наборная фабрика сможет снабжать матрицами, стереотипами, гальваностерейными и оттисками на прозрачной или меловой бумаге не только московские предприятия, но и полиграфические комбинаты в Челябинске, Саратове, Минске и других городах. Так открывается широкая возможность для выпуска хорошо оформленных книг во многих городах страны.

Все специализированные предприятия, изготовляющие печатные формы, клише и цветные вклады для книг, должны быть тесно кооперированы с предприятиями, печатающими и переплетающими книги.

Кооперирование полиграфических предприятий в начальных формах применяется у нас уже давно. Сейчас настало время, когда это кооперирование должно получить новое мощное развитие.

С. КОСТРЖЕВСКИЙ, кандидат экономических наук

От типографии до книжной полки

ПЕРЕБИРАЯ книги в своем шкафу, я обнаружил странное явление: первая книга двухтомника Фламинга печаталась в 1-й Образцовой типографии, а вторая почему-то в типографии «Красный протестант». Надо ли удивляться, что хотя они вышли в одном и том же формате и оформлении, но по внешности все же отличаются друг от друга.

Совсем оригинально получилось с трехтомником А. И. Куприна: два тома печатались в Ленинграде, а один — в типографии «Красный протестант» в Москве.

Заинтересовавшись причинами, я выяснил, что виновник этого раздора — книга типовая, в которой, как говорится, «краски не вывозят». Книжки отдалены тома одного и того же издания далеко не идентично оформлены.

Типография же, не имеющая больших складов для хранения готовой продукции, негде хранить тираж первого тома до момента готовности второго. Вот и получается, что по милости Главкиноторга наши книголюбцы получают отдаленные тома одного и того же издания далеко не идентично оформленные.

Д ОПУСТИМО ли такое положение? Конечно, нет. Почему же киноторговые организации не могут вывозить вовремя продукцию из типографии? У них, оказывается, нет достаточно вместительных складов... Вернется с трудом, что в Москве, где за последние годы возведены миллионы квадратных метров площади, неважно построены большой и хорошо оборудованной книжной склад.

Как выяснилось, такой склад строится в Карачарово, но сerschившим темпами. Асшинование на строительство было выдано только в 1952 году, хотя бывший Главполиграфиздат начал заниматься этим вопросом еще несколько лет назад. А ныне срок окончания строительства перенесен на... 1957 год.

Главстрой Министерства культуры СССР, очевидно, мало интересуется этим делом, хотя он непосредственно отвечает за ход строительства. А ведь за отсутствием места книги хранятся даже... на речных баркасах московского Южного порта, а в типографиях образовались завалы.

Только на одной фабрике детской книги на 1 января этого года скопилось готовых книг на 3,5 миллиона рублей, а в типографии «Красный протестант» готовые книги лежат в штабелях высотой в 4,5 метра (до самого потолка) в пятнадцать рядов.

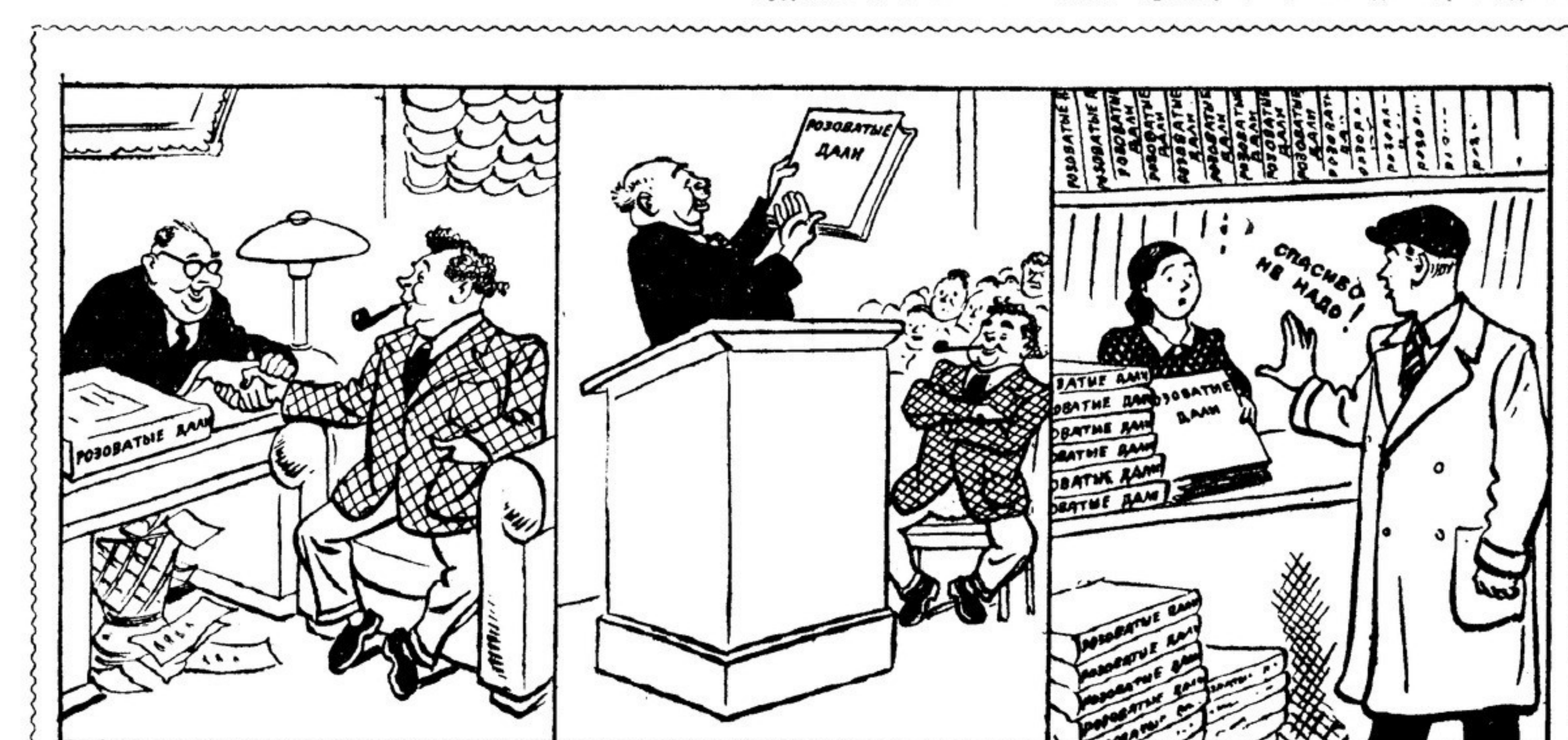
Можно представить себе, как чувствуют себя книги, лежащие в самом нижнем ряду, и в каком виде они придут к читателю.

Но этого мало! В «Красном протестанте» бывают случаи остановки целых производственных участков и цехов, заваленных готовыми книгами. Больше того, подчитано, что эта огромная типография могла бы увеличить свою мощность еще на 10—15 процентов за счет площади, заваленной готовыми книгами.

Если учесть, что такие завалы характерны для большинства типографий Москвы и Ленинграда, то можно только удивляться равнодушию людей, так беспечно строящих новые книжные склады. А они отвечают и за омертвление огромных средств, и за задержку в распространении миллионов книг, которых с нетерпением ждут наши читатели.

Вот другой, быть может, менее известный пример. В 1-й Образцовой типографии есть цех, по которому папки готовых книг сбрасываются на цех в автомашины и уродуются. Неужели трудно оборудовать асфальтный конвейер?

Лев НИКУЛИН

Редактор принял книгу «по-дружески». Критик покривил ее «по-приятельски». И только читатель оценил книгу по достоинству. Рис. Бор. Едимова

От имени малышей

Сергей МИХАЛКОВ

Хочется поговорить о цветной книжке для детей, вернее, о том, почему таких книг все еще мало и что нужно сделать для того, чтобы их было больше. Так сказать, поделиться по этому поводу своим писательским мнением. Вопрос о цветной книге для детей дошкольного и младших школьных возрастов давно требует к себе пристального внимания общественности.

Ругают нас, писателей: вы, мол, мало пишете для нашей детворы! В какой-то мере этот упрек справедлив. Вероятно, можно и нужно писать больше, а главное, лучше. Однако мы все же пишем, и наши книги для детей изданы. Жаль, правда, что не пишут для маленького читателя такие крупные мастера советской литературы, как А. Фадеев, М. Шолохов, К. Федин, А. Твардовский. В укор им хочется напомнить имена А. Пушкина, Л. Толстого,

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 2 12-февраля 1955 г. № 19

В. Маяковского, которые находили и время и желание написать книжку для детей. Будем надеяться, что когда-нибудь и наши корифеи литературы оизойдут до малышей-читателей.

Однако в том, что книг для детей дошкольных и младших возрастов все еще мало, виноваты не одни писатели. Не раз приходилось мне слышать от возмущенных родителей, не успевших купить в книжном магазине «Кощей дом» С. Маршак или «Мойдодыр» К. Чуковского: писатели виноваты! Мы неоднократно писали в Детиз. Он один виноват?...

В этих словах есть доля правды. Но, может быть, Детиз потому-то и виноват, что он — один. Был бы он не один, глядишь, и книг для детей было бы больше. Потребность в детской книге растет. Где тут упавиться одному Детизу!

Общезвестно, что книги для маленьких издаются миллионными тиражами. Казалось бы, нужно гордиться такими выдающимися тиражами, но часто гордиться-то, к сожалению, нечем. За счет чего растут подчас эти тиражи? За счет качества книги. Тираж книги увеличен, а формат уменьшен. Вместо белой плотной бумаги —

бумага низких сортов: серая, тонкая! Вместо цветной печати — печать черная, односторонняя! Рисунки мелкие, тусклые. Но кому же не ясно, что рисунок в детской книжке, а особенно для детей дошкольного и младшего возраста, должен быть обязательно цветным? Рисунок расширяет кругозор ребенка, помогает лучше усваивать произведение. Цветная иллюстрация радует малыша, привлекает его внимание, развивает его вкус, его фантазию.

Лучшие советские книги для детей переводятся и переиздаются за рубежом с иллюстрациями наших художников. И все же таких книг еще недостаточно. С цветной печатью у нас неблагополучно. За чем же она остается? В первую голову: бумажная промышленность! Еще очень мало дает она хорошей, белой и плотной бумаги для нашей полиграфии. Во вторую голову: машинистки! Все еще не хватает хороших, многокрасочных обетов для печатания детских книг. В третью голову: химик! Есть над чем и химиком прилаживаться и потрудиться. Пора выработать хорошие краски!

Не все благополучно и с кадрами работников цветной печати. Для нас нужны специалисты высокой квалификации. Цветная печать — ремесло, а искусство! Ретушер, гравер, печатник должны освоить

технику рисунка и разбираться в оттенках цвета. А оттенки бывают тончайшие! Ошибешься в цвете, синий не желтый, но так положишь, глядишь, у тебя вместо весеннего пейзажа осенний получится. Ошибка в оттенке цвета влетит за собой искажение рисунка, его содержания. Подобные ошибки, а также непопадание

аналоги с литературным текстом, — это грубые опечатки. В свое время издательству удалось почти начисто избавиться от смысловых и буквенных опечаток в тексте книг. Но вот, допустим, все-таки прорвалось в книгу смысловая или буквенная опечатка. Что делает издательство? В одном случае перепечатывает страницу, в другом — вклеивает вкладку с оговоркой об опечатке. А что делать, если в цветном рисунке искажено содержание или получилась просто грязь? С таким браком у нас привыкли мириться — книгу выпускают в свет. В результате на книжный прилавок поступает явный брак: у копки глаза на шее, в стихах говорится об осени, а на рисунке весна, и т. д. и т. п.

С браком надо бороться! Но в первую очередь повысить общий техниче-

ский и художественный уровень молодых специалистов цветной печати, учитывая специфику этого сложного и тонкого вида полиграфического производства. Думается, что следовало бы пересмотреть заодно и систему оплаты таких специалистов. Надо добиться такого положения, чтобы работадам цветной печати было выгодно и план выполняли и борются за высокое качество печати. А тогда уж и за брак можно по-строже спрашивать.

Издание книг для детей — дело государственное, и решать его надо по-государственному. В самые тяжелые годы войны мы во всем себе отказывали, лишь бы нашим детям хватало. Сейчас из года в год увеличивается производство предметов детского обихода: не только на витринах, но и в магазинах за прилавком появляются разнообразные детские игрушки, учебные пособия, специальные детские товары. Строятся детские университеты. Нам надо добиться, чтобы и духовные потребности наших ребят были полностью удовлетворены. Надо издавать много детской литературы для всех возрастов. И особое внимание уделять изданию ярких, цветных, красочных книг большого формата, предназначенных для самого маленького читателя. Появление в семье и в детском саду каждой новой такой книжки должно быть радостным событием в жизни ребенка. Если хотите, — праздником!

СИЛА БОЛЬШОГО ИСКУССТВА

А. СИМУКОВ

Давно, года за три до Великой Отечественной войны, по заданию одной редакции, мне довелось побывать в деревне Кашино Волоколамского района Московской области — в той самой деревне, где осенью 1920 года была открыта первая в Советской России деревенская электростанция.

На открытии этой станции, по приглашению кашинских крестьян, были, как известно, Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская.

В рассказах местных крестьян о подробностях этого дорогого их сердцу события уже трудно было разобраться, что происходило в действительности, что было добавлено впоследствии, как общее ощущение радостной атмосферы приезда Ильича, как художественный домасел участник этой незабываемой встречи.

Но главное, что я почувствовал в этих рассказах, осталось у меня в памяти по сей день и, думаю, не забудется никогда.

Главное было прежде всего в ощущении огромного кровного родства вождя и народа, в полном понимании, вере друг в друга. Образ Ленина вставал в этих рассказах, как воплощение человечности и простоты, в каком-то гармоническом соединении революционного пафоса эпохи с бытовыми подробностями того времени, в мудрости великого вождя, умевшего сочетать вдохновенные планы о будущем с насущнейшими вопросами сегодняшнего дня.

Этот простой и в то же время величественный в своей простоте образ есть правдивое отражение в народной памяти объективной исторической правды о тесной, кровной близости гениального вождя революции к народу, о роли личности в исторических судьбах страны, личности, не отделимой от судьбы своего народа — главного вершителя исторического процесса.

К сожалению, эта великая жизненная правда, показывающая, в чем сила подлинного народного руководства, далеко не всегда за последние годы находила свое отражение в произведениях нашей литературы и искусства. Мы знаем немало примеров, когда народ рассматривался художниками лишь как фон, подчеркивающий грандиозность выдающейся исторической личности, когда раскрытие простых человеческих черт рядовых строителей социализма заслонялось парадным словословием.

Поэтому так особенно важен сегодня опыт пьесы Николая Погодина «Человек с ружьем», в которой народная правда изображения гениального вождя революции нашла свое достойное воплощение, — пьеса, написанная 17 лет назад, медий в свое время с успехом на сцене театра Вахтангова и им же недавно с успехом возобновленной.

Принципиально, новаторское для своего времени значение работы Н. Погодина полностью сохраняется и для наших дней, поскольку в нашей театральной драматургии этот плодотворный опыт не был впоследствии широко подхвачен и развит, если не считать работы самого Погодина, снова обратившего к образу Ленина в своей талантливой, так незаслуженно забытой пьесе «Кремлевские курянки».

В этой пьесе знаменательна та новая творческая свобода, с которой подошел к образу Ленина драматург, полностью освободившись в ней от некоторой цитатности, кое-где проглядывавшей в «Человеке с ружьем». И тем не менее именно «Человек с ружьем» является произведением этапным, достигшим не только Н. Погодина, но и всей нашей драматургии.

В чем же ценность пьесы? Прежде всего в ее глубокой народности, в ощущении естественного, как воздух, единения вождя революции и трудящихся, партии и народа, в том, что она построена на марксистском понимании роли личности в истории, во всем том, что рождает эту пьесу с народными рассказами о Ленине с их несокрушимым, полным горячий веры в торжество справедливости оптимизмом.

Образ Ленина в пьесе ни на секунду не становится плоским. Это — объемное изображение, беспестанно открывающееся читателю, зрителю неожиданными гранями характера, новыми сторонами ума. Молниеносны переходы, отражающие напряженную работу мысли Ленина, его богатую, кипучую натуру. Вот мы слышим его гневные слова о суровой каре, вплоть до расстрела всех, кто вздумает не почитать высшим органом Советской власти, вот он бросает злобную саркастическую шуточку в адрес меньшевиков, угрожающая забастовкой на железных дорогах. А сколько душевного, товарищеского юмора в его беседе с только что назначенным комиссаром по топливу.

Вождь, гениальный руководитель революции и интереснейший, живой, остроумный человек — эти две стороны сплавлены в погодином образе Ленина вождя. «Секрет», если так можно выразиться, удачу Погодина в раскрытии взаимоотношений вождя и народа всего убедительней обнаруживается в сцене встречи Ивана Шадрина с Лениным в Смольном. Драматург сумел в этом коротком, но ключевом для пьесы эпизоде передать взаимную огромную «сплозраз» необходимость Шадрина в Ленине, Ленина — в Шадрине. Настойчиво, пытливо Ленин спрашивает Шадрина — устал ли немец воевать, пойдет ли он с нами на мировую, и мы ясно ощущаем, как то сообщает ему фронтник Шадрин, чрезвычайный, практически важно для Владимира Ильича. Как естественно, с каким огромным мастерством искуснейшего агитатора приводит Ленин Шадрина к мысли, что оружием сейчас Шадрину бросать никак нельзя, что оно ему будет нужно для борьбы не только за клочок своей земли, но и за новую, свободную Россию. И, в свою очередь, еще не зная, с кем он говорит, как жалко слушает Ленин Шадрин, как напряженно работает его мысль, находя в коротких, энергичных денных репликах ответы на свои затасанные думы и чаяния.

ности Ленина? Конечно же, нет, и в этом скрыта во многом забытая нами сила высокой комедии. Именно в этой сцене невиданно ярко раскрывается и великая пророческость Ленина, способность увидеть всего человека сразу «до донышка», узнать о нем самое главное, и великодушный ленинский агитационный талант, зажигающая, окрыляющая сила его слов, способная мгновенно раскрыть перед человеком широкие ослепительные горизонты, и, наконец, жизнеутверждающий ленинский юмор.

В этой сцене — ключ к пониманию жанра всей пьесы.

Вопрос о жанре не является здесь пустым схоластическим разговором, имеющим интерес лишь для узкого круга специалистов, нет, он имеет широкое значение, ибо чем точнее мы будем определять для себя форму наших произведений и выбирать для них соответствующие нашему замыслу изобразительные средства, тем скорее мы освободимся от аморфных, плоских, внешне иллюстративных произведений, которыми особенно богата наша историческая драматургия.

Так что же все-таки по своему жанру представляет собой пьеса Н. Погодина «Человек с ружьем»?

Устье это будет моим глубоким личным мнением, но мне кажется, что Погодин оказался здесь новатором и в области формы, написав свою пьесу как смелый и плодотворный опыт советской народной, национальной героической комедии.

Нельзя времени протереть с тех пор, когда был первый раз поставлен «Человек с ружьем», и думать о путях развития нашего искусства за эти годы, приходишь к выводу, что многие из нас, драматургов, как в театре, так и в кино, как-то разучились за это время угадывать и изображать в судьбе простого советского человека большую народную судьбу. Вставая на цыпочки, чтобы быть на уровне великой эпохи, мы и своих героев нередко пытались подымать на этот уровень не глубоким проникновением в их сущность, а чисто внешним путем, присваивая им отшельнические чины и звания, подменяя масштабность подлинную, идущую от большого искусства, масштабностью чисто мемориальной. Это сказало и в характере драматургического решения целого ряда, которые мы по праву называем главными темами нашего искусства, — то есть в изображении военной героики нашего народа, его трудового пафоса, в раскрытии тем, связанных с жизнью рабочего класса, нашего колхозного крестьянства, нашей интеллигенции. Эти отшельнические, генеральные темы зачастую в нашем изображении приобретали некий официальный холодок, чуждый реалистичности драматургии, причем все более редкими становились случаи решения этих тем средствами высокой комедии. Из нашей комедии постепенно уходила широкая общественно-комедийная первооснова, которая, будучи обращена к самым ответственным вопросам современности, показывает высшую внутреннюю свободу художника. И хотя мы можем гордиться пьесами Корнейчука, Леонова, Крапивы и других драматургов, где эта первооснова присутствует, мы, драматурги, все же не можем не позавидовать блистательному решению этой задачи в советской поэзии, давшей нам бессмертный образ Василия Теркина, поэма о котором — настоящая героическая комедия, то есть произведение, где героическое и комическое слиты воедино, где мужество и величие человека могут раскрыться и в комедийной ситуации, а комическое движение души подчас еще более подчеркивает красоту подвига.

Роль комического в решении самых ответственных задач искусства была нами за это время во многом утрачена. Мы представляли смех «специалистам по смеху», отдавая ему специальную зону в таких комедийных произведениях, которые вовсе не претендовали на раскрытие больших тем нашего общества и имели главную цель, — тоже вполне оправданную, — развлечь зрителя, дать ему заслуженный отдых, не слишком обременяя его мыслительными процессами. Такое искусственное сужение комического в нашей драматургии, такое отщепление комедийного момента немало способствовало измирению могучей силы, каковой является юмор, высокая комедийность в нашем искусстве.

Эти явления ярко отразились и в творчестве самого Погодина, и его подходе к решению образов и тем, пронаизначенных пафосом утверждения передового в нашей жизни. Герико-комедийное дарование Погодина широко развернулось в его пьесах на самые главные, «генеральные» темы нашей жизни — «Темные», «Поэма о топоре», «Моя дружба», «Аристократах», «Человек с ружьем», «Кремлевские курянки». Но затем, очевидно, под влиянием общих процессов, происходивших в нашей драматургии, творчество Погодина начало утрачивать эту отлученность комедийного от образов, несущих главный ноложительный заряд пьесы. Убедительной иллюстрацией этого может служить основной герой пьесы «Когда ломаются копья», молодой ученый Чебаков, который, будучи, казалось бы, равным по общественной значимости замечательному погодинскому Гаю, ничтожно лишь великодушного газетского оптимизма, его юмора, его широты, если так можно выразиться, общественно-комедийной поступи. И мне хочется верить, что такой большой художник, каким является Николай Погодин, в своей работе над сценарием о молодых комсомольцах, овладевающих целинными землями, решительно повернет на свой прежний путь создания нашей современной народной героической комедии, и его герои будут полной мерой наделены светлым юмором, умом, и им отныне не будут противопоставлены комедийные ситуации.

Именно такой — героической — комедий, как я уже сказал выше, и предстает перед нами пьеса «Человек с ружьем».

О чем она? О том, как человек с ружьем, русский крестьянин Иван Шадрин, ставший по приказу царя солдатом мечтает вернуться с фронта домой и, купив коровенку, заняться своим хозяйством.

О том, как, попав в вихорь величайших исторических событий, он встретился с рабочим Николаем Чибисовым, лидером большевизма, а затем — с вождем революции Лениным и как после этой встречи он понял, что его хозяйство — не только маленькая деревенская изба, а вся страна, что от него зависит судьба его народа и что нужно с ружьем в руках отстаивать эту судьбу.

Как тонко, как проникновенно П. Толчанов постепенно раскрывает перед нами этот путь! И как глубоко верит зритель, что от того, куда и с кем пойдет этот простой русский крестьянин, зависит судьба всей революции.

Нет, разочаривается действие. Вот фронтник Шадрин попал в Петербург. Ровно стучится он в двери роскошного особняка богатой Сибирячихи, где служит горничной его сестра. Его юмор, он не знает, что делать, вокруг — чужой, незнакомый город. И вот — встреча с пионерским рабочим, большевиком Николаем Чибисовым.

Сцена в Смольном. В роли В. И. Ленина — Н. Плотников; Иван Шадрин — И. Толчанов. Фото Н. Ситникова

Диалог Шадрина и Чибисова в этом эпизоде — настоящая жемчужина по разнообразнейшему речевому и интонационному богатству живой русской речи, с ее великодушной образностью, лугавыми обиняками, подлыми чудесного, порой исполненного грозной силы русского юмора. Этот диалог убедительно подготавливает второе наступление Шадрина на особняк Сибирячихи — уже вместе с Чибисовым, который внушил Шадрину сознание своего права на это наступление. И то, как Шадрин, торопливо докуривая свою самокрутку, чтобы не пропал табак, нерешительно, но вместе с тем настойчиво звонит туда, откуда его только что выгнали, — показывает, как просыпается в этом простом забытом мужичке ощущение силы и достоинства.

Чутко ловя жанровую природу пьесы Н. Погодина, постановщик спектакля Р. Симонов правильно сделал, посетовав на сиюминутную спешку совещания деятелей в доме Сибирячихи, уводящую нас в сторону от главной линии пьесы — пути Ивана Шадрина в революцию и к тому же написанной совсем в другом жанровом ключе. Все внимание Шадрину! Вот он встречается с сестрой Катей, которую скромно, с хорошо найденной характерностью играет Е. Добронравова, с женой Надеждой, — как молодое и щедро исполняет поприемную эту роль Е. Алексеева! И сквозь все эти, казалось бы, чисто «семейные» сцены мы видим неуловимую сеть Шадрина — гражданина. Важнейшие эпизоды И. Толчанов проводит на высоком комедийном пафосе, достигая великолепных результатов.

И вот встреча Шадрина с Лениным... Н. Плотников, играющий Ленина, находится в сложном положении, имея такого блистательного предшественника, как покойный Б. Шуккин. И хотя в общем он из этого положения выходит с честью, тем не менее ему не хватает одной очень существенной черты. Исполнение И. Плотникова роли Ленина лишено высшей художественной свободы, того юмора, с которым проводил эту роль Б. Шуккин. Происходит это потому, что материал роли не обжит еще актером, не стал ему близким, известным до мельчайших деталей.

Но Ленин, ленинское в спектакле и пьесе — это больше, чем только образ Ленина. Мысль Ленина, воля, вера живут, горят, действуют во многих перодах этой постановки. Что стоит вскрик Шадрина — Толчанова после того, как до него дошло, с кем он повстрел только что! Все есть в этом восклицании — и безграничная народная любовь к вождю русской революции, о котором Шадрин слышал еще на фронте, и безмерное, радостное удивление от того, что вот он, оказывается, какой Ленин, — как он до тонкости понимает жизнь простого человека и показывает, разъясняет ему, что нужно сделать для общего счастья, и дожда на свою недогадливость, которая помешала ему узнать во-первых Ленина, и запаздывающий восторг — сложнейшая гамма чувств!

И когда мы видим Ивана Шадрина уже как командира отряда, на позициях под Гатчиной, мы ощущаем его на новом этапе, как помощника Ленина, как активного борца за дело революции.

И был на спектакле дель, когда в зрительном зале сидели и взрослые и дети, — и это было очень верно и нужно, потому что со сцены в зрительный зал шла такая простая, несокрушимая в своей убедительности правда, всегда сопутствующая истинному искусству, которая была равно понятна каждому — и взрослому и ребенку. И мне жалко стало, что рядом со мной сидел моего восьмилетнего сына. Мне захотелось, чтобы первые слова, первые зрительские образы, первые мысли и чувства, связанные с великими событиями, положили бы основу нашему обществу, он получил бы вот из таких добрых и строгих рук, чтобы героика его родного народа была воспринята им через радость, через теплую человеческую близость к героям событий, какую несподручно мы все во время спектакля. И обязательно выполняли свое назначение, и мне кажется, что это движение души и есть самая искренняя, непосредственная оценка вахтанговского спектакля «Человек с ружьем».

Эди ОГНЕЦВЕТ

Я не в гостях, а дома

Как опишу свое волнение,
Когда в морозной синеве
Возникнут светлые строения
И мы приблизимся к Москве.

Я в сердце всю ее вобрала,
О, как мне дорог в этот час
Гул Белорусского вокзала,
Где Горький повстречает нас!

С каким радужием во взоре
Зовет он всюду побывать!
...Москва, как будто капля с морем,
С тобой сливаюсь я опять.

Москва!

Я не в гостях, я снова
В дому у матери родной,
Разноязыкий слышу говор
Перед кремлевской стеной.

Слезу я, глаз не отрываю,
За тучкой в небе голубом,
Он плывет, лучистый краем
Высокий задевая дом.

Москве доверю на рассвете
Я туйну давнюю свою,
Мне довелось под небом этим
Впервые услышать: «Люблю».

Москва! Один из миллионов
Тесных радужных сыновей,
Доверюсь минским почтальоном,
Писал мне о любви своей.

Хоть писем я не сберегла,
Но все дословно помню я...
На свете есть причин немало
Тебя любить, Москва моя.

Перевел с белорусского
Я. ХЕЛЕСКИИ

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

ПЕРЕСТАРАЛИСЬ...

16 января 1955 года продавцы киевских книжных магазинов недоумевали, как никогда...

— Есть у вас книга «Проблемы социалистической эстетики»? — то и дело обращались покупатели.

Продавцы разводили руками и качали, что такой книги они и в глаза не видели.

1 февраля в магазинах снова хлынула волна покупателей. И снова продавцы недоумевали разводами руками.

Нет, не поступала... Последовал визит и звонок в Госиздат УССР. Там сообщали, что произошла, пониманию, какая-то ошибка, так как «Проблемы социалистической эстетики» в свет еще не выпущены.

— Когда же они появятся? — Точно сказать нельзя. Скорее всего требуются еще некоторые доделки.

Наконец, кто-то позвонил в редакцию газеты «Радянська культура» и в редакцию молодежной газеты «Сталінінська правда».

В редакциях отвечали малоразумительно: да, рецензии были напечатаны. Нет, книги не было.

Непонятным оставалось одно: для чего понадобилось прервать давно установившийся и казался бы, разумный порядок — рецензировать лишь те книги, которые уже существуют? Впрочем, ответ на этот вопрос можно найти в самих рецензиях. Одна из них, опубликованная в газете «Радянська культура» и принадлежавшая перу кандидата филологических наук Е. Дорощенко, написана в жанре критической омы.

Каких только похвал не рстачает рецензент еще не вышедшему труду А. Трипольского! Эта книга и «удивительно раскрывает суть художественности», и «глубоко анализирует эстетическую силу языкового мастерства», и «показывает, как нужно анализировать поэтический синтаксис», и обнаруживает «глубокое понимание основных закономерностей творческого процесса», и т. д. и т. п.

Книг по вопросам эстетики у нас еще мало, каждая новинка пархает: удивительно ли, что после такой рецензии читатели обязательно должны были броситься в магазины? Давно второй рецензии, написанной кандидатом филологических наук С. Ковальчуком, в самостоятельном определении не нуждается.

С. Ковальчук во всем согласен с Е. Дорощенко. Здесь тот же слог, тот же набор эпитетов, из которых самые скромные — «убедительная», «яркая» и «восторженная».

Кроме дифирамбов, в статье Е. Дорощенко и С. Ковальчука содержится еще и явные абсурды. Указывая на то, что один из разделов книги Трипольского взят автором из его же предыдущего труда «Большевистская партия» — основа социалистической эстетики», Е. Дорощенко, например, скромно добавляет: «высоко оцененного нашей критикой». Но на Украине достаточно хорошо известно, что именно эта работа А. Трипольского критиковалась партийной печатью за грубую вульгаризацию положений эстетики и неверную картину литературного процесса.

Каким же все-таки образом рецензия на невещный труд повязана в печати? Может быть, редакторы забыли обрывать телефоны С. Ковальчука и Е. Дорощенко, боясь опоздать с оценкой уже известного им труда? Ничуть не бывало. Оказываются, рецензенты сами услужливо принесли свои отзывы в редакцию, просясь редакторов поспешить.

Так две киевские газеты широко разрекламировали еще не вышедшую, еще не существующую книгу. Мы не ставим своей целью оценивать эту работу. После выхода в свет книги А. Трипольского, надо полагать, станет предметом суждения читателей и специалистов.

На всякий случай история будет не совсем приятной воспоминанию. Несколько лет назад на заводе канальной электростанции А. Трипольского друзья устроили ему бурный овацию, а затем, когда ученый совет покинул зал для голосования, заученным хором Выкрикнули: «Докторскому ему! Докторскому!» Ученый совет не внял их кликам и молебам, и тогда обиженный диссертант обратился к известному академику. Он просил его войти с персональным ходатайством в ВАК. Текст персонального ходатайства был составлен самим диссертантом, но пожеланием для этого сия, им высокопарных выражений. Несколькими ошеломявшими академик передал текст «по ходатайству правлению Союза писателей Украины. Получилась конфуз.

Вряд ли стоило обо всем этом вспоминать, если бы не произошла новая история, тот самый, о котором рассказано выше.

Мастера захватывания на корню явно перестарались. Они поставили своеобразный рекорд поспешности, рекорд приятельской услужливости. На сей раз группа приятелей оказалась в смешном положении, ибо чересчур поторопился. Ну, а если бы книга по вчерашнему появлению рецензий вышла в свет? Тогда формально все было бы пристойно? Но чем, собственно, лучше приятельская услужливость, проявляющаяся, так сказать, в рамках корректности, услужливости неуклюжей, медвежьей? К любым проявлениям приятельских прав нецельно относиться терпимо.

Впрочем, у Трипольского хоть нашлись «ртышние» поклонники. Бывает хуже. Бывает, что автор, утратив чувство скромности, сам бежит по рецензиям, сам приводит «спонсоров» рецензентов и затем настойчиво добивается публикации им самим организованных похвалывших слов.

Работники иных редакций безмерно морщатся, но иногда все же уступают преславному организаторам своей популярности. Как-то невольно смотрят на этих толкачей, забываящих о том, что существует литература этика. И хочется им напомнить о вреде поспешности и о том, что скромность — украшение.

А. ГАЛИНСКИЙ

Киев

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ БЕЛОРУССКОГО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ В МОСКВЕ

С ЧУВСТВОМ ЖИЗНЕННОЙ ПРАВДЫ

«Истинно художественное произведение, — писал Белинский, — всегда поражает читателя своею истинною, естественностию, верностию, действительностию до того, что, читая его, вы бессознательно, но глубоко убеждены, что все рассказываемое или представляемое в нем произошло именно так и совершилось иначе никак не могло». Правда жизни, естественность развития событий — неперемные требования, предъявляемые к поэзии.

В третьей книге журнала «Поэзия» за прошлый год я прочитал талантливую поэму белорусского поэта Алексея Заридко «Поэзия про золотое дно».

Действие поэмы происходит в научно-исследовательском институте в одном из периферийных городов Белоруссии. Во главе института стоит профессор Антон Кузьмич Крушина, крупный специалист по сельскохозяйственным машинам. Большие надежды возлагают на него молодого ученого Якуба Шатилу. Дружба Крушины с талантливым ученым не по душе Виктору Шпунту, карьеристу и проходимцу, подвигающемуся в институте. По должности Шпунт — ученый секретарь. А называют его в институте «дважды секретарь», в том смысле, что он исполняет две должности — кроме первой, еще и «личного» профессора секретаря, шпунта и подхалима.

На протяжении всей довольно большой поэмы Шпунт и Шатила ни разу между собой не спорят, не ссорятся, не сталкиваются. Но с самого начала образы эти очерчены так ясно, что читатель понимает: между этими людьми лежит непреходящая пропасть, наличие настоящей, глубокой конфликт. Острое противопоставление характеров делает сюжет поэмы действенным, а действительность сюжета рождает напряженное ритма, энергичность стиха. Вот прошлое заседание с распределением речей на юбилее Крушины.

Все решено. Никто и не заметил. Как в кабинет прорвался седой ветер И контролеру строгому под стать Бумаги начал на столах листать. Как будто с зеленых просторов Сюда прибул колхозная весна. И вот, бумага перебирая ворох, Проверкой занимается она.

О чем тут споры шли? Что тут рсшали? Кто дельного в решениях записал?

Читателю ясен острый сатирический подтекст этого отрывка.

Автор занимает в поэме активную позицию: с самого начала видно, кого он любит, кого ненавидит, кого поправляет. Развивая и углубляя конфликт, Алексей Заридки становится беспощаден не только к проходимцу Шпунту, но и к профессору Крушине, человеку, что называется, отсталому. Поднявшись к вершинам науки и зановая себе прочное в ней «положение», Антон Кузьмич выгоняет из своего дома Якуба Шатилу, отказавшегося делать хва-

лебный содоклад на его юбилее. Кажется, Шпунт добился своего: Якуб изгнан из института, работы по созданию спроектированного им безотного «корабля» прекращены. Да, бывает в жизни, что «шпунты» одерживают и победы. Но — временные, «в пределах», в данном случае в пределах института. Молодой честный ученый Шатила находит поддержку у народа, среди своих земляков; работа над «кораблем», который должен проплыть в вековых водах и триснах каналах, открыт людям угрожающее золотое дно полеской земли, завершается в одной из МТС. Поэма заканчивается главой, где описан триумф героя — результат острой и непримиримой борьбы.

Шатила и Шпунт являются соперниками и в личной жизни, оба они влюблены в дочь профессора Крушины — молодого врача Ириуну. Автор правильно сделал, не акцентировать читательское внимание на этом довольно-таки банальном треугольнике, не заставляя Ириуну выбирать, колебаться и т. п. — ее сердце безраздельно принадлежит Шатиле. И все же любовь в «Поэзии про золотое дно» выглядит побочной, бледно нарисованной «линией».

Есть в поэме и ряд других недостатков. Не всегда достаточно ярки изобразительные средства поэта, иногда он прибегает к небоснованным прозаизмам.

Но при всем этом поэма Заридко радует свежестью, возмущающей жизненностью сюжета, подлинной простотой формы. Причины творческой удачи поэта прежде всего в его широком мышлении, смелых обобщениях.

Нельзя сказать, что характеры героев поэмы выписаны с предельной точностью и красочной пышностью. Но в них есть запоминающиеся жизненные черты. В профессоре Крушине мы узнаем десятки подобных людей, людей, привыкших к своему неземному положению «научных светляков», распорядившихся в государственных научных учреждениях, как у себя дома, и далеко не равновзвешенных к подхалимам и льстецам-карьеристам. Не менее типичен и Виктор Шпунт — двуличный подлец, оправдывающий свое поведение ссылками на то, что он, дескать, такой не один, и с упоением перечисляющий разных псевдодуэтов, «делавшихся» карьеру.

Слабее получился в поэме образ положительного героя Якуба Шатилы, хотя верно передана его близость к людям, к народу.

В поэме действует мало персонажей, только те, кто необходим для сюжета. Но это не делает поэму ни камерной, ни ограниченной. За каждой ее строкой живет, дышит, трудится и борется охватывающая мирным созидательным трудом Советская Белоруссия, ее трудолюбивый народ.

Поэма Алексея Заридко написана с большой любовью к своему народу и с гневной ненавистью к отщепенцам-шпунтикам. Поэту чужда лакировка действительности, его произведение дышит жизненной правдой.

Любомир ДМИТЕРКО

Рассказы Янки Брыля

Два года назад в Минске проводилось совещание, на котором обсуждалось произведение белорусских писателей для детей. В этом совещании приняли участие детские писатели Москвы, Ленинграда и Украины.

Особое внимание привлекли тогда рассказы для детей Я. Брыля. Многим писателям было известно, что они не заметили этих рассказов своевременно. Рассказы вошли в книгу Я. Брыля «В Заболотье светает», выпущенную издательством «Советский писатель» еще в 1951 году. Было обидно и то, что критика, оценивая повесть Я. Брыля «В Заболотье светает», удостоившая, как известно, Сталинской премии, умолчала о рассказах для детей, начатых в этой же книге.

Участники совещания справедливо отметили поэтичность рассказов Я. Брыля, умение меткими и точными штрихами рисовать характеры, пейзажи, конкретные детали, понимание автором психологии детей. Прекрасные качества для писателя, и в особенности для детского писателя!

В рассказах Я. Брыля нет нотаций, расхождений. Все, о чем он рассказывает, ясно и впечатлительно. Мы читали много рассказов о партизанах, но рассказ Я. Брыля «Зеленая школа» не похож ни на один из них. На-пот обстрела, в тяжкий момент прихода фашистов в местечко, девочку Асю вынесла из рук чужая, но добрая бабушка Зоя. Через год Ася очутилась в партизанском лагере, где жили крестьяне, бежанцы от фашистской неволи. Здесь она нашла друзей-однолеток и в первый же день села за школьную парту в зеленой школе.

«Связь» стены этой школы видны были небо, и солнце, и лес, так как и стены настоящих не было, а просто подпорки из пестрых березовых жердей. Чтобы школу из словных ветвей... Зеленая кровля школы не спасает от дождя, и ребята выбегают и учатся в своих землянках. Дождь заставил свернуть к землянкам и одинокого великана — советского разведчика. И тут происходит встреча Аси со своим отцом. Ночью отец берет Асю на коне и крепко прижимает к сердцу свое сокровище.

Воспоминания и впечатления автора о партизанской работе так сильны, что ими пронизаны и рассказы о мирной жизни: «В чистом поле под ракитой», «Лазунок». Есть у Я. Брыля рассказы о светлом, безмятежном детстве советских малышей: «Линка и Кленик», «Светлое утро». Есть и забавные истории о животных: «Ветеринар», «Янд-янд ежики».

Каждым рассказом автор затрагивает ту струну, которая обязательно отзовется в сердцах читателей. Близка и понятна будет гордость ремесленника Лазунка, который впервые стоит у типографской маши-

«Писатель Якуб Колас отвечает за то, как написана книга, а Михаил Лазунок — за то, как она будет напечатана».

Трогательная и поэтичная маленькая девочка Линка («Линка и Кленик»), у которой, говоря словами взрослых, вместе с началом изучения широкого мира формируется общественное сознание.

В 1953 году в Детизне вышла книга рассказов Я. Брыля для младшего возраста и в 1954 году сборник рассказов для среднего возраста. В последний сборник включены новые рассказы Я. Брыля.

Но, странное дело, рассказы Я. Брыля в издании для детей как-то потускнели, в значительной мере потеряли яркость и своеобразия. В чем дело? Неужели два года тому назад мы были менее критичны? Подлинная причина выяснилась, когда удалось слышать тексты рассказов в издании «Советского писателя» и в издании Детизна. В первом издании рассказы напечатаны в переводе В. Тараса, во втором — в переводе А. Островского. Но оба перевода авторизованы, и поэтому упрямко законно адресовать и автору.

Возьмем пример из того же рассказа «Зеленая школа». Романтический образ отца Аси, разведчика, значительно тускнеет, когда в новом издании мы читаем: «Вот он опять один, без друзей, без горячей боевой работы. Ну что это за работа — отвезти пакет из лагеря в штаб соединения и целый день потратить на возвращение! Разве это дело? И с врагом не встретишься, и нет удовлетворения, что ты его бьешь. А без этой, единственной теперь, радости тяжело на сердце...». Этот «сухой» кусок резко контрастирует с ярким лиричным обрамлением.

Говорят: «Из песни слова не выкинешь». Из художественного рассказа тоже нельзя выкидывать слова или произвольно их заменять. Когда сказано, что мальчик Анатолий «спит» очень сладко, и мальчик только «мокает губами», то это хорошо увидено. Зачем же эту фразу заменить иной: «спит» ему так сладко, он только бормочет что-то? Лучше назвать «затенкой» домиком бабушки Зои — это старое голенище, чем «хаткой», как это сделано во втором издании. Я привела лишь малое количество примеров, их значительно больше в одном только рассказе. А подобным «справкам» подвержены и другие рассказы.

Быть может, автор и переводчик стремились к большей простоте и доступности рассказов для юных читателей. Но привело это к

